

УДК 930.9
ББК 63.3(0)
А36

Друкуецца па рашэнні рэдакцыйна-выдавецкага савета БДПУ
Рэкамендавана секцыяй гуманітарных навук БДПУ
(пратакол № 3 ад 5.11.04)

Рэдакцыйная калегія: дактары гістарычных навук, прафесары М. М. Забаўскі,
А. А. Каваленя, Т. А. Космач, А. М. Люты, У. В. Тугай

А36 **Айчынная і сусветная гісторыя: сучасныя погляды і метады даследавання:**
36. навук. арт.— Мн.: БДПУ, 2004.— 284 с.
ISBN 985-435-899-2

У зборніку разглядаюцца актуальныя пытанні гісторыі Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. Асвятляюцца таксама праблемы сусветнай гісторыі, метадалогіі гістарычнай навукі і метадыкі яе выкладання.

Адрасавана навукоўцам, выкладчыкам ВНУ, усім, хто цікавіцца пытаннямі гісторыі.

УДК 930.9
ББК 63.3(0)

ISBN 985-435-899-2

© Калектыў аўтараў, 2004
© ВВЦ БДПУ, 2004

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь

Установа адукацыі

«Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка»

**Айчынная і сусветная гісторыя:
сучасныя погляды і метады даследавання**

Зборнік навуковых артыкулаў

Мінск 2004

О. Г. Субботина

Веймарское законодательство отводило важное место вопросам охраны государственного строя. Целям защиты и соблюдения конституционного правопорядка служил имперский надзор. Призванный обеспечить четкую работу системы государственного управления на всех ее уровнях, он являлся важным и неотъемлемым элементом веймарской правовой системы, одним из ярких признаков начатого Ноябрьской революцией процесса централизации Германии. С одной стороны, имперский надзор имел определенные конституционным правом границы, с другой стороны, размытые критерии его применения предоставляли государству фактически ничем не ограниченную свободу действий на пути проведения в жизнь собственной зачастую политически мотивированной, воли.

Будучи высшей формой правового контроля имперский надзор распространялся на те области права, где рейху принадлежала законодательная инициатива. В качестве средств надзора выступали мероприятия административного порядка: будь то инструкции и распоряжения центральных властей, рекламации рейха в адрес земельных правительств, назначение уполномоченных инспекторов на места, обращение в судебные органы и, наконец, экзекуция, как наиболее радикальная форма надзора. Конституционно-правовое закрепление последней выглядело вполне логичным, учитывая федеративный характер Веймарской республики, покоящейся на государственно-правовой, а не на международно-правовой системе отношений [1, S. 15, 19–20]. Применение экзекуции сопровождалось наделением президента чрезвычайными, по сути диктаторскими, полномочиями и отменой ряда статей конституции, касавшихся политических прав и свобод немецких граждан.

Веймарская конституция умалчивала о правовом содержании экзекуции, об объеме и границах ее распространения, формах и средствах применения. Она могла быть санкционирована: во-первых, ввиду нарушения «верности государству» чаще всего какого-либо фундаментального обязательства, и, во-вторых, в случаях прямого нарушения норм конституции или конституционных законов, недобросовестного выполнения возложенных по конституции на субъекты рейха обязанностей, противодействия политике центра на местах и т. д. В любом случае требовался серьезный повод и если таковой имелся, президент не затягивал с адекватными мерами, которые, опираясь на статью 48, как указывает Дитмар Виловый, широко интерпретировались государственной теорией и практикой [2].

В отличие от распорядительного права рейха (ст. 48 абз. 2) применение экзекуции зависело от каждой конкретной ситуации в отдельности и не могло распространяться на все случаи чрезвычайного положения в стране [3]. Решение о ней принималось президентом, который в соответствии со ст. 48 абз. 3 обязан был информировать рейхстаг о характере проводимых им мероприятий и в отдельных случаях, по требованию нижней палаты, полностью или частично отменять их. Впрочем, данный абзац не имел на практике большого значения, поскольку все действия главы государства были заранее согласованы с правительством. К тому же, напрасно было ожидать, что унитарно настроенный в своей основе рейхстаг станет поддерживать партикуляристские, сепаратистские и иные центробежные устремления земель [4, S. 17, 42]. Таким образом, в процессе осуществления экзекуции президент оставался в большей степени знаковой фигурой, в то время как вся ответственность за ее

осуществление ложилась на плечи правительства, и в этом смысле экзекуция становилась актом самостоятельной деятельности высших органов власти.

Экзекуция могла быть двух видов: гражданской и военной. Гражданская экзекуция предшествовала мерам «физического» принуждения и осуществлялась исключительно с санкции судебных органов власти. Иначе дело обстоит с военной экзекуцией. Арсеналом средств ее применения было: использование частей рейхсвера, изданные распоряжения временного и экстренного характера, создание на местах военных судов, отмена региональных правовых актов, отстранение от должности представителей местной исполнительной власти, роспуск земельных парламентов и т. д. Использование военных формирований в целях восстановления конституционного правопорядка рассматривалось как крайняя мера, возможность которой обуславливалась исключительно единством армии и сосредоточению ее в руках постов президента и главнокомандующего [3, S. 82].

В случае экзекуции президент обладал полномочиями брать на себя компетенции высших органов местной власти и, при необходимости, передавать таковые соответствующим федеральным структурам. Такое положение дел вело к потере земельными органами их «непроницаемости» по отношению к рейху, позволяя последнему вмешиваться в сферу конституционно-правовой деятельности своих субъектов. Интересы земель на местах представлял рейхскомиссар. Он мог быть лицом как военным (военный министр, начальник генштаба, высокопоставленный офицер), так и гражданским (известный политик или высокопоставленный чиновник). Назначение одновременно комиссаров – военного и гражданского – не практиковалось. Исключением стал один случай чрезвычайного положения в Рурской области, где «двоевластие» существовало с начала 1919 г. и до момента вступления в действие Веймарской конституции [5, S. 709]. В руки имперского комиссара президент имел право передавать руководство земельной полицией и местным административным аппаратом. В отдельных случаях рейхскомиссар мог сосредоточивать у себя полномочия как центральных, так и местных властей, например, отправлять в отставку земельное правительство и распустить земельный парламент, вторгаясь тем самым в вотчину регионального управления и, следовательно, в область федеративной организации немецкого государства [1, S. 68].

Наряду с правом рейха на экзекуцию веймарское законодательство предусматривало механизмы защиты земель от произвола центральных властей. В частности, конституция гарантировала неприкосновенность имперской государственно-правовой организации, включая институты парламентско-демократической власти рейха и земель. Соответственно рейхскомиссар, направляемый главой государства в регион, представлял исключительно федеральные, а не земельные органы власти. В случае роспуска регионального парламента назначались новые выборы, проведение которых должно было проходить в соответствии с нормами действовавших на местах конституций.

В качестве «барьера» на пути имперской экзекуции у президента и правительства могли выступать рейхстаг и Верховный суд, обладавшие правом давать оценку политической обоснованности и законности действий центральных властей. Что касается рейхстага, то его потенциал в плане предотвращения или отмены экзекуции выглядел весьма скромным. *Де юре* парламент мог вмешиваться в деятельность высших органов исполнительной власти и требовать отмены экзекуции, в том числе единолично отменять ее в случае отказа президента в течение 24 часов вынести соответствующее решение рейхстага. *Де факто* правительство имело

за собой поддержку большинства унитарно настроенного в своей основе депутатского корпуса. К тому же оперативно собрать рейхстаг на экстренное заседание во время парламентских каникул, что бралось в расчет центральным руководством, было проблематично. В задачи представлявшего на это время интересы депутатов нижней палаты наблюдательного комитета входила в соответствии со статьями конституции лишь защита прав парламента от незаконных посягательств со стороны правительства, но никак не контроль за соблюдением конституционно-правовых норм в отношениях между рейхом и землями [4, S. 61]. Поэтому наиболее реальным способом возможности у земель «обороняться» оставалось обращение в суд в соответствии с положениями статей 13, 15 и 19 Веймарской конституции. Впрочем, и здесь доказать свою правоту регионам было сложно, учитывая различное толкование одних и тех же конституционных норм и фактический приоритет общенациональных интересов над региональными [3, S. 72–75]. В официальных и полуофициальных заявлениях правительства, указывает немецкий юрист Карл Шмитт, давалось различное толкование положениям статьи 48, в результате чего нельзя было понять, в чем же заключалась истинная точка зрения федерального руководства [1, S. 69–70]. Поэтому ничего удивительного не было в том, что использование президентом диктаторской власти нередко выходило за рамки конституционных полномочий центра и носило ярко выраженную политическую окраску.

На стадии становления Веймарской республики рейх неоднократно прибегал к чрезвычайному праву. Так, 22 марта 1920 г. экзекуция была применена в отношении тюрингских земель: Саксонии-Веймара-Эйзенаха, Саксонии-Майнингена, Саксонии-Готы, Саксонии-Альтенбурга, Ройса, Шварцбурга-Рудольштадта, Шварцбург-Зондерхаузена и прилегающих к ним областей. Поводом для нее послужило нарушение политической обстановки в вышеперечисленных регионах. В соответствии с указом президента Фридриха Эберта рейхскомиссаром в тюрингских землях был назначен министр Паульсен, в обязанности которому вменялось восстановление конституционного правопорядка и общественной безопасности. На время действия чрезвычайного положения высшие органы власти земель были отстранены от исполнения своих прямых обязанностей [6, S. 266]. В то время как большинство земель уступило давлению центра правительство Саксонии-Готы под руководством левого радикала Эмиля Грабова продолжало упорствовать в своем нежелании идти навстречу рейху. В итоге президент был вынужден повторно прибегнуть к экзекуции. На основании распоряжения от 10 апреля 1920 г. рейхскомиссаром в Саксонии-Готе был назначен подчинившийся непосредственно рейхсминистру внутренних дел обер-бургомистр Эссена Вильгельм Холле. В земле временно приостанавливалось действие ряда конституционных норм (114–115, 117–118, 123–124 и 153) и вводились ограничения на свободу прессы, объединений и собраний, а также почтовую, телефонную и телеграфную связь [3, S. 97–99, 106]. Любое противодействие власти имперского комиссара каралось денежным штрафом или тюремным заключением [6, S. 266–268]. Выборы в новый парламент и последовавшая вслед за этим реорганизация местного правительства позволили передать новому кабинету всю полноту исполнительных полномочий в Саксонии-Готе. В то же время, рейхскомиссар сохранял отведенные ему полномочия до 30 апреля 1920 г., т. е. до момента образования земли Тюрингия [5, S. 742].

В 1923 г. рейх дважды пользовался правом экзекуции. Причиной тому был политический конфликт центра с руководством Саксонии и Тюрингии, обусловленный

активностью в коалиционных правительствах на местах представителей Коммунистической партии Германии (КПГ). Первым на себе «удар» ощутило саксонское руководство. Согласно распоряжению президента «О необходимых мерах по восстановлению общественного порядка и безопасности на территории рейха» от 26 сентября 1923 г. на командующего четвертым военным округом была возложена вся полнота исполнительной власти на территории Саксонии. В частности, было издано распоряжение о запрете «пролетарских сотен» и других созданных совместно КПГ и СДПГ социал-демократическая партия Германии) военизированных организаций (например, «комитетов действий»), существование которых противоречило условиям Версальского мирного договора и соответствующим распоряжениям имперского правительства о ликвидации военизированных формирований и отрядов на территории республики [6, S. 322]. Следующим шагом центра, учитывая фактический бойкот местным правительством распоряжений берлинских властей, стало применение военной силы в отношении «мятежного региона». На протяжении 21–22 октября 1923 г. подразделения рейхсвера были заняты Дрезден, Лейпциг, Майсен и Пирна. Вслед за этим, 27 октября рейхсканцлер Густав Штресеман потребовал от саксонского министра-президента Эриха Цайгнера (СДПГ) уйти в отставку, на что получил отказ. Следующее как раз и стало прямым поводом к изданию распоряжения президента от 28 октября, в соответствии с которым назначенный имперским комиссаром в Саксонии представитель Немецкой народной партии (ННП) Гейнце распустил местное правительство и фактически осуществлял руководство землей до 31 декабря 1923 г., когда на базе коалиции ННП, НДП (Немецкая демократическая партия) и КПГ было сформировано новое правительство под председательством бывшего министра экономики Альфреда Фелиша [6, S. 323–324, 330–331; 5, S. 743–744].

Экзекуция против Тюрингии имела под собой ту же политическую подоплеку, что и в случае с Саксонией – вхождение в «правительство народного фронта» коммунистов и создание на территории земли военизированных формирований левого толка. В ответ на отказ местного руководства распустить военные организации 5 ноября 1923 г. по поручению министра обороны Отто Гесслера на территорию Тюрингии были введены части рейхсвера пятого военного округа. Давления центра оказалось достаточно, чтобы социал-демократы объявили о роспуске коалиции с коммунистами. 12 ноября 1923 г. два министра от КПГ покинули кабинет Фрелиха; последний, однако, продолжал руководить правительством до выборов в новый ландтаг, состоявшихся 10 февраля 1924 г. По их результатам Тюрингию возглавило коалиционное правительство Лейтхойсера (ННП) [6, S. 331–332; 5, S. 816–817].

Наконец, последним и наиболее скандальным случаем экзекуции в Веймарской республике явились мероприятия чрезвычайного характера от 20 июля 1932 г. Их итогом стал переход в руки имперского правительства всей полноты исполнительной власти в Пруссии. Свои действия рейх мотивировал необходимостью проведения имперской реформы, главной преградой на пути которой было объявлено прусское правительство. Подобный ход событий, имевший все признаки государственного переворота, вызвал незамедлительную и весьма болезненную реакцию со стороны немецких земель. Удельный вес Пруссии в государственно-правовой системе Германии был настолько велик, что устранение ее как самостоятельного игрока на политической сцене снимало последние препятствия в деле завершения начатого после Ноябрьской революции процесса централизации страны. В первых рядах «оборонительного фронта» стояли земли Южной Германии. Избранную центром стратегию поведения, в частности право прусского рейхскомиссара отстранять от своих

должностей министров, а также полномочия рейха распоряжаться прусскими головами в рейхсрате, они расценивали как прямую угрозу своему существованию [7]. Так, в принятом в октябре 1932 г. официальном заявлении баварского правительства звучало разочарование действиями немецкого руководства, доверяя заверениям которого земли рассчитывал на осуществление реформы исключительно правовым путем, на основе общественного согласия [8].

Осень 1932 г. прошла под знаком судебного разбирательства, получившего название «Пруссия против рейха». Апелляция, поданная прусским правительством в Верховный суд, не принесла желаемых результатов. Осудив действия центральных властей, а также, усомнившись в их юридической обоснованности, суд, тем не менее, признал за федеральным центром конституционное право вмешиваться во внутренние дела субъектов и брать на себя принадлежавшие им по конституции полномочия [9]. Итоговый вердикт высшей судебной инстанции оказался не утешительным в плане дальнейшего развития немецкой государственности. Он со всей очевидностью продемонстрировал дилемму, возникшую между политикой и правом и ставшую, в конечном счете, предвестником тоталитарной диктатуры в стране [10].

Таким образом, закрепленное в Веймарской конституции право рейха на экзекуцию предоставляло федеральному центру чрезвычайные полномочия в целях восстановления конституционного правопорядка и обеспечения территориального единства и управляемости государством. На стадии становления республики рейх неоднократно пользовался чрезвычайным правом как средством борьбы с проявлениями партикуляризма и сепаратизма в стране. В то же время, отсутствие четких законодательных норм, детально регулирующих случаи, формы и содержание экзекуции, делало последнюю заложником внутриполитической конъюнктуры. Орудием рейха в борьбе с политически «непокорными» регионами, подрывая тем самым основы государственно-правовой организации Германии.

Литература и источники

1. Schmitt C. Die Diktatur des Reichspräsidenten nach Artikel 48 der Reichsverfassung // Der deutsche Foederalismus. Die Diktatur des Reichspräsidenten. Berlin und Leipzig, 1924.
2. Willoweit D. Deutsche Verfassungsgeschichte: vom Frankreich bis zur Wiedervereinigung Deutschlands. 3. Aufl. Muenchen, 1997. S. 205.
3. Die deutschen Verfassungen des 19. und 20. Jahrhunderts. Hrsg. H. Hildebrandt. 14. Aufl. Paderborn (u.a.), 1992.
4. Moosman H.B. Die Reichsexekution nach der Weimarer Verfassung unter besonderer Beruecksichtigung der Reichsexekution gegen den Freistaat Sachsen. Diss. Erlangen, 1925.
5. Huber E.R. Die Weimarer Reichsverfassung // Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. 6. Stuttgart, 1993.
6. Dokumente der Novemberrevolution und der Weimarer Republik 1918–1933 // Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Hrsg. E.R. Huber. Bd.4. Stuttgart (u.a.), 1993.
7. Niederschrift ueber die Besprechung der Reichsregierung mit den Ministerpraesidenten der Laender am 23. Juli 1932 in Stuttgart // Bundesarchiv Koblenz (BAK). R 43 I/80. S. 357–403.
8. Bayerische Staatsregierung zur Aushoehlung der Laender durch die Notverordnungen des Reiches // BAK. R 43 I / 1871. S.85; Mitteilung des bayerischen Ministerpraesidenten. 29.10.1932 // BAK. R 43 I / 1883. S. 131.

Verordnung des Reichspräsidenten ueber die Wiederherstellung der oeffentlichen Sicherheit und Ordnung in Preu?en vom 20. Juli 1932 // Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. Weimarer Republik und Drittes Reich. 1918–1945. Hrsg. von H. Huerten. Bd. 9. Stuttgart, 2000. Подробно см.: Bay J. Der Preussenkonflikt 1932/1933. Ein Kapitel aus der Verfassungsgeschichte der Weimarer Republik. Diss. Berlin, 1965.

9. Burg P. Die Neugliederung deutscher Laender. Grundsaeetze der Diskussion in Politik und Wissenschaft (1918 bis 1996). Muenster, 1996. S. 57.

Моладзь у сацыяльна-эканамічным жыцці ССРБ у 1922 г.

В. В. Даніловіч

1922 г. быў другім годам ажыццяўлення новай эканамічнай палітыкі ў ССРБ. Ішло супраць адраджэння разбуранай рэвалюцыямі і войнами народнай гаспадаркі ў сацыяльна-эканамічным становішчы моладзі рэспублікі.

Правадніком і апарай палітыкі кампартыі ў маладзёжным асяроддзі з'яўляўся камсамольскі імяніны адыграваць актыўную ролю ў сацыяльна-эканамічным жыцці.

У ССРБ у 1922 г. расло беспрацоўе сярод юнакоў і дзяўчат. Пры гэтым КСМБ імкліва насцярожана ставіўся да індывідуальнага вучнёўства ў прыватных прамысловых прадпрыемствах, што сведчыць аб прыярыцеце ў яго дзейнасці ідэалагічных догмаў над здаровым сэнсам, і намагаўся ўзмацніць гэтую працу ў дзяржаўнай прамысловасці. Але гэтыя намаганні вялікага плёну не давалі, і ў выніку вялікая колькасць маладых людзей стала пад пагрозай распылення і дэкасавання [1, л. 3].

Праведзеныя ў красавіку 1922 г. маладзёжныя беспартыйныя канферэнцыі паказалі, што да 99 % моладзі савецкай Беларусі былі непісьменныя, а ахова працы юнакоў і дзяўчат не выконвалася [2, л. 23]. Летам 1922 г. з-за беспрацоўя і эксплуатацыі на прыватных прадпрыемствах назіралася дрэннае становішча нават працуючых маладых людзей рэспублікі, у выніку чаго сярод іх было распаўсюджана п'янства [3, л. 8].

Да таго ж у ССРБ назіраліся развіццё эпідэмічных захворванняў і масавыя скарачэнні з працы на прадпрыемствах нават камсамольцаў [1, л. 8]. Такія абставіны прымуцілі камсамол савецкай Беларусі ў сваёй сацыяльна-эканамічнай дзейнасці займацца пераважна дапамогай сваім членам.

У лютым 1922 г. КСМБ была арганізавана юнацкая секцыя пры народным камітэце аховы здароўя рэспублікі [2, л. 4]. Гэта юнсекцыя арганізавала рэспубліканскі медыцынскі агляд да 1 тыс. чалавек моладзі, з іх 40 % аказаліся хворымі, а 780 чалавек атрымалі пудзёўкамі ў маладзёжны дом адпачынку [4, л. 7], які летам 1922 г. знаходзіўся ў дрэнным стане, бо для яго была скарачана выдача харчавання [2, л. 56]. Для харчавання прайшоўшых гэты агляд юнсекцыяй было атрымана ад наркамата аховы здароўя 100 пайкоў, якія былі размеркаваны па паветах: Бабруйск – 30, Барысаў – 25, Слуцк – 20, Мазыр – 15, Ігумен – 10 [1, л. 8].

У маі 1922 г. камсамольцы арганізавалі юнсекцыю аховы здароўя пры гарадскім адзеле аховы здароўя ў Мінску. Яна аказвала дапамогу захварэўшым падлеткам зямельным харчаваннем (з гэтай мэтай за ЦК камсамола ССРБ было забраніравана 100 пайкоў ЦДА), накіроўвала іх на спецыяльнае лячэнне, арганізоўвала аздараўленне падлеткаў у дамах адпачынку. Намаганямі гэтай юнсекцыі пры ЦДА была створана зямельная сталойка для моладзі, за якой браніравалася 45 пайкоў. Па Мінску з мая на кастрычнік 1922 г. быў размеркаваны 351 паёк, двухтыднёвыя пайкі атрымалі 522